

И. М. Джаббаров

**НЕКОТОРЫЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ
МАТЕРИАЛЫ В УЗБЕКСКОЙ ВЕРСИИ
ЭПОСА «АЛПАМЫШ»**

Из произведений устного народного творчества можно почерпнуть разнообразные материалы по истории, этногенезу, быту и культуре, обрядам и верованиям того или иного народа. В этом отношении особенно ценны эпические сказания.

В героическом эпосе тюркоязычных народов Средней Азии и Поволжья — «Алпамыш» («Алпамыс» у казахов и каракалпаков, «Алпамыша» у татар, «Алпамыша и Барсын-хылу» у башкир), в том числе и в узбекской его версии, мы находим, выражаясь языком археологии, сложнейшее напластование многочисленных культурных слоев¹. Сказители в разные эпохи интерпретировали это произведение по-разному и вносили в традиционный текст изменения и дополнения. Оценивая эпос как исторический и этнографический памятник, необходимо подходить к нему критически².

Несмотря на то, что образы «Алпамыша» как и любого эпоса, идеализированы, многочисленные события, описанные в «Дастане», своеобразно отражают историческое прошлое народа, облеченное в художественную форму.

В своей работе мы использовали вариант эпоса «Алпамыш», записанный от сказителя Фазыла Юлдашева в 1927 г. Этот текст один из двенадцати узбекских вариантов, хранящихся в фольклорном архиве Института языка и литературы Академии наук Узбекской ССР. Эпос содержит богатый этнографический материал о разных сторонах материальной и духовной культуры узбекского народа в далеком прошлом.

В первой части этого произведения нарисована картина передвижения больших групп кочевников, владеющих огромным количеством скота; показано их столкновение с оседлым земледельческим населением. Кочевники выступают в «Алпамыше» под этнонимом «конграды», а оседлое население (в эпосе — «калмыки») называет их узбеками. Как известно, конградское племя является одним из крупных узбекских племен и составляет значительный компонент в этническом составе узбекского народа. В составе узбеков имеется также племя «калмак».

Калмаки, изображенные в «Алпамаше» как народ с оседлой земледельческой культурой, не имеют ничего общего с кочевыми калмыками-ойратами³, неоднократно вторгавшимися в Среднюю Азию в период

¹ См.: сб. «Об эпосе „Алпамыш“», Ташкент, 1958; В. М. Жирмунский, Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960; А. А. Валитова, Алпамыш, «Краткая литературная энциклопедия», т. I, М., 1962, стр. 163, 164; ее же, Татарская версия эпоса «Алпамыш». В кн.: «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика», М., 1960, стр. 173, сл.

² См. В. К. Соколова, Фольклор как историко-этнографический источник, «Сов. этнография», 1960, № 4.

³ Иного взгляда придерживаются В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов и Л. И. Климович, которые считают, что выведение в эпосе калмыков как врагов ге-

позднего средневековья. По-видимому, это название употребляется в эпосе условно для обозначения чужого народа или племени с другим языком и иной верой. Между тем со всей определенностью можно сказать, что калмаки, с которыми сталкиваются конграды, мало похожи и на полукочевое узбекское племя калмак.

В источниках говорится, что в составе пришлых тюркоязычных десяти-кипчакских племен, выступавших в XVI в. под названием узбеков, были и конграды⁴. Упоминаются также и калмаки, которые, по словам автора «Шейбани-намэ» Мухаммед Салиха, присоединились к бухарскому наместнику Баки-тархану во время военных действий против Мухаммеда Шейбани⁵. До прихода кочевых узбеков они еще находились на территории Мавераннахра и, видимо, являлись потомками отгуженных монгольских племен. По переписи 1924 г., конграды в бывшей Бухарской Народной республике составляли вторую (после мангитов) по численности группу среди узбеков (85760 чел.), а в Хорезме они были самым крупным племенным объединением (16750 чел.). В долине Байсун-Дарьи (в эпосе место обитания конградов — Байсун-Кунграт-Юрты), их насчитывалось более 3,5 тыс. чел.⁶. О калмаках на территории Бухарского оазиса сообщает нам Ханыков в своем «Описании Бухарского ханства» (1843 г.). Племя калмак в составе узбеков насчитывало в 1924 г. 9 тыс. чел.⁷.

Отдельные исследователи думают, что бухарские конграды являются выходцами из Хорезма. Сами же бухарские конграды считают, что они перекочевали на нынешнюю свою территорию из Хивы «около четырех сот лет тому назад», т. е. как раз во время завоевания Шейбани-хана. Этот взгляд подтверждается также одинаковыми названиями конградских отделов или колен хорезмских и бухарских узбеков. Интересно отметить, что герой эпоса Алпамыш, указывает, что пастбища его племени конград располагались на берегах реки Аму. По сведениям Абулгази, хорезмские конграды кочевали в этом районе еще в XIV в. и были вытеснены в начале XVI в. другими узбекскими племенами (уйгурами, найманами, дурманами). О перемещении конградов с территории Хивинского ханства рассказывают также старики из Хорезма⁸, с которыми беседовали ученые. В. Г. Мошкова предполагает, что кочевые узбеки пришли в «Мавераннахр целыми неделимыми родами»⁹. Это, по ее мнению, важно учитывать при рассмотрении родоплеменных отношений в эпосе «Алпамыш».

Интересно, что число родов (16 уру), упоминаемых в эпосе, совпадает с данными Мухаммед Салиха, который перечисляет 16 племен, участвовавших в походе кочевых узбеков во главе с Шейбани-ханом¹⁰. В их состав входило и конградское племя.

В эпосе есть свидетельства о том, что конграды занимались лишь скотоводством и не были знакомы с земледелием. Рассказывается о десятках тысяч овец, лошадей и верблюдов, которыми владели конграды.

роя поэтически отражает период опустошительного джунгарского нашествия на Среднюю Азию. Речь, однако, идет не о калмыцком народе, а о джунгарских ханах — завоевателях. См. «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958, стр. 38, 114—117, 278—279.

⁴ Р. Г. Мукминова, К вопросу о переселении кочевых узбеков в начале XVI в., «Изв. АН УзССР», 1954, № 1, стр. 74.

⁵ Там же, стр. 76.

⁶ «Материалы по районированию Средней Азии», кн. I. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Бухара — Ташкент, 1926, стр. 187.

⁷ Там же, стр. 211.

⁸ И. В. Сазонова, Узбеки дельты Аму-дарьи, «Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции», т. I, М., 1952, стр. 331.

⁹ В. Г. Мошкова, Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен, «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», т. II, Ташкент, 1950, стр. 103.

¹⁰ Р. Г. Мукминова, Указ. раб., стр. 74.

Об огромных количествах скота у кочевых узбеков, пришедших в Мавераннахр, говорят и другие источники.

Конграды жили в юртах. Это позволяет отнести их к кочевым народам. Вьючными животными при перекочевках служили верблюды. Абулгази указывает, что узбеки-шейбаниды в XVI—XVII вв., т. е. в тот период, когда они пришли в Хорезм из Дашти-Кипчака (половецких степей) были кочевниками, у которых «нет ни домов, ни городов», они «не живут постоянно на одном месте»¹¹. Конграды вытоптали хлеба на землях оседлых калмаков, приняв их за кормовую траву. Потрава хлебов имела место в истории. Так, по сообщению Мухаммеда Салиха, при покорении Ура-Тюбе войска Шейбани-хана получили приказ брать все, что попадает, и кормить скот зелеными посевами¹².

Анализ исторической обстановки, нарисованной в «Алпамыше», несомненно, поможет решить вопрос о времени появления этого эпоса. Конечно, трудно утверждать, что исследуемый нами узбекский вариант «Алпамыша» появился в XVI или XVII вв. Тем не менее, события, описанные в рассматриваемом варианте или, как иногда его называют, в «конградской версии», позволяют предположить, что речь идет о приходе на территорию Узбекистана последней крупной волны кочевых скотоводческих тюркских народов — узбекских племен из Дашти-Кипчака. В XVI в. после захвата среднеазиатских земель, они расселялись на территории Мавераннахра, Хорезма и Ферганы, где образовали государство шейбанидов. Такое важное историческое событие как образование этого государства не могло не отразиться и в устном народном творчестве. Не случайно «Алпамыш» как крупное эпическое произведение бытует только у тех среднеазиатских народов, в формировании которых немалую роль сыграли кочевники из Дашти-Кипчака.

В эпосе «Алпамыш» большое место занимает описание родоплеменных отношений. Часть узбеков до недавнего времени сохранила свои племенные названия. Узбекские племена и роды описаны в работах Г. Вамбери, Н. А. Аристова, А. Б. Хорошхина, Н. В. Ханыкова, А. Д. Гребенкина, И. П. Магидовича и других авторов. Н. В. Ханыков в «Описании Бухарского ханства» привел 97 родовых названий узбеков. В 1924 г. на территории Бухарской Народной Республики было зарегистрировано свыше 150 названий; многие из них делились на более мелкие ветви и подразделения¹³.

Конечно, общество, изображенное в узбекской версии эпоса «Алпамыш», — классовое, феодальное. Среди героев этого произведения имеется и знать, владеющая огромным количеством скота, и трудовой народ; говорится о взимании феодальных налогов («закят»). Однако феодальные отношения выступают в старых патриархально-родовых формах, долго сохранявшихся в условиях кочевого быта.

Приведенные в эпосе сведения о четком членении конградского племени на 16 частей, наличии парной группировки родов (Тартувли-Конград, Канджигали-Конград) можно рассматривать как пережитки дуальной родовой организации. Об этом косвенно свидетельствует и вражда между родными братьями — Байбури и Байсари. Этот мотив перекликается с темой двух братьев-врагов, распространенной в фольклоре почти повсеместно, что по мнению ряда этнографов, тесно связано с дуализмом фратрий¹⁴. По словам Х. Т. Зарифова, в варианте Берди-Бахши признаки дуализма выражены более четко. Племя, о котором идет речь в эпосе, разделено на две части: соответственно членятся надвое территория и богатство племени. Глава племени, имеющий двух сыновей (Байбури

¹¹ Абулгази, Родословное древо тюрков. «Изв. общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXI, вып. 5—6, 1905, стр. 175.

¹² Р. Г. Мукминова, Указ. раб., стр. 73.

¹³ «Материалы по районированию Средней Азии», стр. 174.

¹⁴ С. П. Толстов, Древний Хорезм, М., 1948, стр. 289.

и Байсари), дает своим соплеменникам следующее наставление: байсунцы не должны жениться на конградских женщинах, а конградцы на байсунских женщинах.

Важным признаком родовой организации в эпосе «Алпамыш» является родовая экзогамия. Бектимир из рода Тартувли женится на сестре Алпамыша Калдыргач, принадлежащей к роду Канджигали. Оба рода входят в состав конградского племени. О наличии первобытно-родовых отношений в «Алпамыше» свидетельствует и то, что члены рода, возглавляемого Байсари, называют друг друга не только родичами (кариндошларим), но и братьями и сестрами. Когда Байсари выдавал свою дочь замуж, он сказал своим соплеменникам (родичам): «Моя дочь — ваша же сестра, трусы!» Пастухи, т. е. рядовые члены рода, называют Барчин — дочь Байсари — своей сестрой, а Алпамыша — будущего мужа Барчин — своим зятем (езнамиз).

В эпосе отражены также черты родовой организации, как кровная месть. Так, старуха Сурхайль просит калмакского хана отомстить за гибель ее сыновей, убитых Алпамышем. Когда Тайча-хан в виде выкупа предлагает ей богатство пришлых конградцев, Сурхайль отвечает ему: «Сможешь ли ты заплатить богатством за кровь умерших?»

Вопросы, касающиеся всего рода или отдельных его членов (например, по поводу переселения на калмакские земли, или выдачи замуж дочери главы рода), решались на родовом совете (маслахат), который собирался, видимо, в специальном помещении (мажлисхона). Следует отметить, что роль совета в эпосе незначительна. Это, по-нашему мнению, свидетельствует о разложении родовых отношений, описанных в «Алпамыше».

В дастане представлен патриархальный род. Родство считается по мужской линии; по мужской линии происходит наследование имущества и власти; жена поселяется в роде мужа. Известно, что пережитки патриархального рода сохранились у кочевых и полукочевых среднеазиатских народов до начала XX в. Заметны в эпосе и черты матриархата, отдельные пережитки которого также сохранялись до недавнего времени. Матриархальные институты особенно широко были распространены у народов Средней Азии в домусульманский период. Основываясь на многочисленных источниках, С. П. Толстов пишет: «...как у кочевой, так и у оседлой части населения Средней Азии, на рубеже новой эры и в течение первых веков нашего летоисчисления разнообразные элементы материнскородского уклада были чрезвычайно сильны и вряд ли есть серьезные основания для утверждения, что у какого-либо из народов Средней Азии этой эпохи имело место сколько-нибудь сложившаяся патриархально-родовая организация»¹⁵. Это наложило отпечаток и на последующие периоды, вплоть до позднего феодализма.

Свидетельством и относительно высокого положения женщины у среднеазиатских народов в более позднее время являются ценные данные, имеющиеся в произведениях авторов средневековья. Один из современников Шейбани-хана, автор сочинения «Ахсан-ат-таварих» («Наилучшая из летописей») Хасан бек Румлу отмечает, что женщины у кочевых узбеков пользуются уважением и почетом¹⁶. Женщинам в эпосе «Алпамыш» предоставлены известные права и самостоятельность, воспеваются их смелость, мужество и мудрость.

О силе и мужестве Барчин свидетельствует ее столкновение с калмакским богатырем, которого она кладет на обе лопатки. Героиня эпоса выражает готовность оседлать коня, взять острый булат и пойти на врага. В древней истории народов Средней Азии имеется много таких примеров, когда женщины участвовали в войнах и даже возглавляли

¹⁵ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 330.

¹⁶ Р. Г. Мукминова, О некоторых источниках по истории Узбекистана XVI в., «Труды Ин-та востоковедения АН УзССР», вып. III, 1954, стр. 136.

войска. Барчин высоко ценит свою свободу, поэтому она ставит перед женихом следующие четыре условия: тот батыр может быть ее мужем, чей конь во время байги всех других коней обгонит; кто в лучном состязании, лука не сломив, дальше всех стрелу метнет; кто за тысячу шагов из ружья в теньгу попадет; кто в борьбе на майдане (арене состязаний) всех соперников побороет.

Другой героиней дастана является сестра Алпамыша Калдыргач благородная, умная и рассудительная девушка. Она дает своему брату мудрые советы и воспитывает в нем силу воли и решительность. Так когда Алпамыш, получив письмо от Барчин, не решается сразу ехать к ней, чтобы вырвать ее из рук неприятеля, Калдыргач настаивает, чтобы он немедленно отправился в путь. Велика ее роль и в воспитании сына Алпамыша.

Женщины в эпосе выполняют и общественные функции. Например, группа девушек, возглавляемая дочерью калмакского хана Тавка-Оим, собирает пошлину с торговых мест Янги-базара. В связи с этим интересно вспомнить один факт из истории Средней Азии. В известной переписке между согдийской девушкой из Дуньхуанской колонии и ее матерью сообщается, что согдийские женщины из высшего слоя общества были не только грамотными, но и совершали наравне с мужчинами самостоятельные торговые операции¹⁷.

В «Алпамыше» встречаются ценные материалы по истории брачных отношений, в том числе наиболее ранних форм брака. Обряд тайного посещения невесты женихом, описанный в эпосе, является пережитком матрилокального брака. Алпамыш старается избежать исполнения этого обычая, однако сорок девушек — прислужниц Барчин — говорят ему: «Посетить невесту тайком — наш старинный обряд. Такой обычай наших отцов и дедов, и ты поступай по примеру прочих». Такой обряд широко бытовал у многих народов. Материалы А. Д. Гребенкина, изучавшего узбеков в прошлом столетии, совпадают с картиной, описанной в «Алпамыше». Исследователь пишет, что у узбеков Зеравшанского округа «муж ходит к жене украдкой, по ночам. Его должна встречать и провожать в саклю жены старуха, близкая родственница жены»¹⁸.

В дастане можно заметить слабые отголоски полиандрии, т. е. многомужества — пережитка поздней формы группового брака. Так, семь братьев-богатырей, сыновей Сурхайль, только услышав о красавице Барчин, мечтают взять ее в жены: «То хочет взять ее один, то хотят взять ее все, чтобы взять ее в свою среду, стать всем женатыми». Другой факт. Когда девяносто богатырей во главе с Қокальдашем собираются сватать Барчин, Қокальдаш обращается к ним со словами: «Все девяносто пойдем вместе, или возьмет узбекскую девушку (в жены) один из нас, или возьмем все вместе».

Ряд интересных сведений о групповом браке и его деформации у среднеазиатских народов в прошлом, дают нам греческие, китайские и местные источники.

В хронике «Бейши» сообщается, что у гуннов-эфталитов, господствовавших в Средней Азии в V—VI вв. н. э. «братья имеют одну жену»¹⁹. В «Суйшу» тот же обычай приписывается жителям Тохаристана, куда входила почти вся территория Таджикистана и юго-западная часть Узбекистана. Здесь сказано также, что сыновья от общей жены братьев «принадлежат старшему брату»²⁰. Некоторые сведения о пережитках группового брака еще в X. в. в Кашка-Дарьинском и Бухарском районах можно найти в произведениях Наршахи «Тарихи Бухара». Говора

¹⁷ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 326.

¹⁸ А. Д. Гребенкин, Узбеки, Сб. «Русский Туркестан», вып. II, М., 1872, стр. 68.

¹⁹ И. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, кн. II, ч. III, М.—Л., 1950, стр. 268.

²⁰ Там же, стр. 286.

о последователях Мукадды, Наршахи сообщает, что они «жен своих... считают дозволенными для всех мужчин в своей среде»²¹. Пережитки полиандрии сохранялись до последнего столетия у ряда кочевых и полукочевых народов Средней Азии и некоторых сопредельных стран.

Одной из древних форм брака является также широко распространенный до недавнего прошлого у всех среднеазиатских народов, обычай левирата, по которому после смерти старшего брата младший должен жениться на его вдове. Этот обычай также отражен в «Алпамыше», где рассказывается о том, как сводный брат Алпамыша, услышав весть о мнимой смерти брата, пытается, захватив власть, жениться на Барчине.

В Дастане имеется обширный материал, характеризующий архаические представления и мировосприятие у узбеков. В нем встречаются различные мифологические сюжеты: Байчибар — конь Алпамыша, имеющий крылья и умеющий говорить, напоминает небесных коней древних мифов, связанных видимо, с тотемистическими представлениями²². В «Алпамыше» отражены анимистические представления. Герои эпоса верят в то, что душа человека может жить отдельно от тела. Хотя Алпамыш и Барчин находятся в разных странах, их души встречаются друг с другом, пьют вместе вино (шароб) и беседуют, а затем расстаются и снова вселяются в тела, покинутые ими.

Между прочим, извлекают души, сводят их вместе и вселяют обратно так называемые чильтаны — сорок «тайных святых». Судя по исследованиям М. С. Андреева²³ и С. П. Толстова²⁴, чильтаны связаны с традициями тайных союзов первобытных народов.

Уходят своими корнями в глубокую древность и такие широко известные в фольклоре среднеазиатских народов обычаи, описанные в «Алпамыше», как побратимство (дружба между Алпамышем и Карагджаном), усыновление (отношение старого пастуха Култая к Алпамышу).

Таким образом, «Алпамыш» содержит весьма ценные данные по этнографии узбекского народа, истории родоплеменных и семейно-брачных отношений, отражает пережитки матриархата и ряд других обрядов и обычаев. Этот прекрасный памятник народного творчества, несомненно, заслуживает большого внимания не только со стороны фольклористов, но и этнографов и историков.

²¹ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 321.

²² С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 303.

²³ М. С. Андреев, Чильтаны в среднеазиатских верованиях, сб. «В. В. Бартольд», Туркестанские друзья, ученики и почитатели, Ташкент, 1927.

²⁴ С. П. Толстов, Указ. раб., стр. 311.